

Хроники квартиры №13

Эльмира Шабурова

Дар, ипотека и кот,
который знает всё

Не стучать
после 23:00 –
домовой спит

Осторожно:
глаз по
неосторожности

Если кот
орет –
он прав

ПРАВИЛА
КВАРТИРЫ №13

1. Коту – всё
2. Домовому – уют
3. Хозяину – терпение
4. Магичу – быть

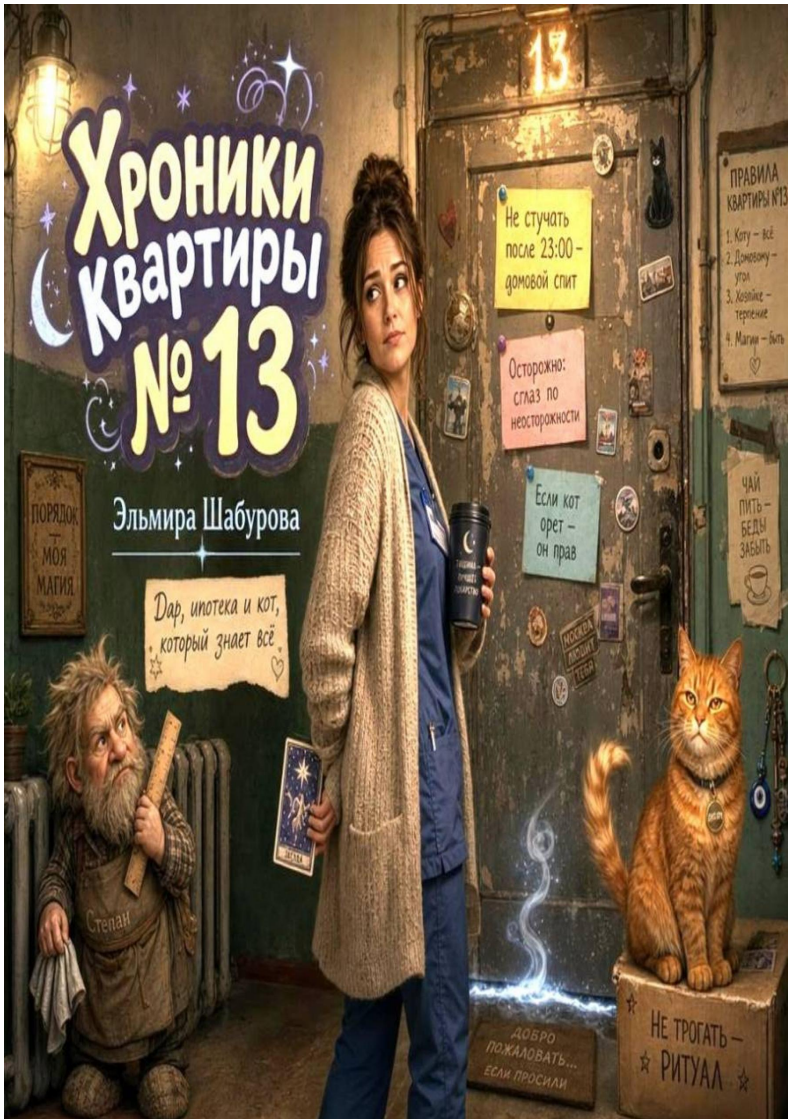
ЧАЙ
ПИТЬ –
БЕДЫ
ЗАБЫТЬ

МОСКВА
ПРОБЛЕМ
РЕША

12

ДОБРО
ПОЖАЛОВАТЬ...
ЕСЛИ ПРОСИЛИ

НЕ ТРОГАТЬ –
РИТУАЛ

Эльмира Шабурова

Хроники квартиры 13

<https://litres.ru/74548974>

SelfPub; 2026

Аннотация

Москва — город холодный. Но квартира 13 оказалась еще холоднее.

Медсестра Светлана Любомирова сбежала из маленького городка в столицу, надеясь забыть о своем «проклятии». В их роду девочки рождаются с даром: они видят то, чего нет, могут исцелить одним прикосновением или сглазить неосторожным словом. После того как школьная гадалка закончилась позором и бойкотом всего класса, Света дала себе клятву: никогда больше не брать карты в руки, не читать стихи вслух и никому ничего не желать. Особенно вслух.

Но новая квартира на тринадцатом этаже встретила её странными соседями. Слева поселился Виктор — ослепительно красивый блондин, галантный интеллектуал, от которого веет могильным холодом. Справа — Сергей, обаятельный водитель богатого босса, который слишком часто оказывается рядом в трудную минуту.

Света думала, что самое страшное в Москве — это ипотека и работа в реанимации. Она ошиблась.

Содержание

День первый — Новый дом	4
День второй — Соседи	28
День третий — Первые шаги в клинику	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Эльмира Шабурова

Хроники квартиры 13

День первый — Новый дом

Степан

Переезд в Москву я проклял еще на стадии погрузки сервиза.

В нашем старом доме, что остался стоять сиротой на окраине забытого богом райцентра, всё было просто и понятно. Печь с изразцами знала тепло моих ладоней лучше, чем любая баба знает спину мужа. Подпол хранил мои запасы сушеной полыни от клопов и прошлогоднюю картошку. Я знал каждую мышь по имени-отчеству, а сквозняки уважительно затихали, стоило мне только нахмурить невидимые брови. Там был порядок. Домашний уклад. Двести лет моего труда, между прочим. И вот теперь эта пигалица, Светлана Яковлевна Любомирова, двадцати пяти годов от роду, медсестричка столичная недоделанная, решила, видите ли, «начать новую жизнь».

Я сидел на коньке крыши, пока грузчики матерились внизу, таская ее коробки в выдавший виды фургон. Сидел и думал: уйти или остаться? По правилам нашего домового кодекса, если хозяйка съезжает добровольно, бросая печь без

присмотра более чем на три дня, дух имеет право осесть на чердаке, спиться на остатках чужой браги и тихо истлеть вместе со стропилами. Это почетная пенсия. Но Света... Она же как слепой котенок в проруби. Дар у нее родовой, рыжий, буйный, того и гляди крышу сорвет ей самой да половине улицы. Бабка ее, царствие небесное, Марфа Игнатьевна, перед смертью взяла меня за полупрозрачную руку своей морщинистой человеческой пятерней и сказала прямо: «Степушка, не бросай девку. Глаза у нее мамины, зеленые, а норов — точно мой, огненный. Пропадет одна».

Пришлось увязываться. Собрал я свои пожитки быстро. Медный пятак 1924 года для подпитки сил положил за щеку. Взял старую льняную ниточку-оберег из крапивы, которую Марфа вешала над входом от дурного глаза — пахнет она до сих пор горько и правильно. Сунул за пазуху. Когда Света уже стояла на крыльце, дожидаясь, пока закроют замок, я тихонько, чтобы воздух не колыхнуть, спустился в кузов. Устроился в коробке с надписью маркером «ХРУПКОЕ! КНИГИ НЕ СТАВИТЬ СВЕРХУ!». Внутри лежал ее старый плюшевый медведь с одним глазом-пуговицей. От него пахло детством, пылью и непроходящей тоской по дому. Хорошее место, укромное.

Дорога была пыткой. Трясло так, что мой медный пятак чуть мой же зуб внутренний не выбил. Янтаря, этого рыжехвостого наглеца, я заметил только под Тулой. Мы стояли на какой-то заправке, водитель пошел пить растворимый ко-

фе, дверь фургона приоткрылась, и внутрь потянуло выхлопными газами. Смотрю — сидит. Прямо поверх стопки книг о прикладной психологии. Хвост трубой, желтые глазищи сверкают, усы топорщатся, как антенны.

— Тебе чего тут, блохастый? — прошипел я, проявляясь ровно настолько, чтобы он оценил масштаб моей прозрачной, но все еще внушительной бороды. — Багажное отделение плацкартного вагона перепутал?

Янтарь лениво моргнул. Потом демонстративно облизал лапу, прошелся ею за ухом и уставился на меня с таким презрением, будто я таракан, упавший в его миску со сливками.

«Мр-ргм», — выдал он утробно. На кошачьем это означало примерно следующее: «Отвали, дед, здесь дует, а коробка с вареньем вибрирует успокаивающе».

— Ах ты шерстяной выкидыш преисподней! — возмутился я. — Это моя хозяйка! Мой переезд! Моя карма портится!

Кот зевнул во всю пасть, показав розовое нёбо и набор зубов, которым можно перегрызть энергетический кабель, и отвернулся. Наглец даже не стал спорить. Он просто занял лучшее место, оставив мне ютиться возле коробок с книгами. Мало того что квартиру чужую брать придется, так еще и этот хвостатый самозванец будет претендовать на хозяйкину коленку. Куда катится мир духов...

Москва встретила нас равнодушным бетоном, запахом горелых тормозных колодок и миллионами человеческих страхов, которые липли к одежде грязнее городской пыли. Вы-

сотки давили. Солнце здесь казалось тусклым фонариком, севшим от бесконечного освещения вывесок. Грузчики сгрузили коробки в прихожей квартиры номер тринадцать. Бросили ключи на тумбочку, получили расчет и испарились быстрее, чем я успел привязать им шнурки друг к другу узлом морского дьявола. Ушли, оставив после себя запах дешевого табака и пустоты.

Я вышел из своего укрытия, когда хлопнула входная дверь подъезда. Прошел сквозь стену, осмотрелся. Светлая. Просторная. Слишком много прямых углов, ни одной нормальной русской печи, где можно было бы пересидеть грозу или спрятаться от участкового. Пол ламинированный — холодный, мертвый, эха нет. Запаха бабушкиных пирогов с капустой тоже нет. Есть запах обойного клея, новой мебели из прессованных опилок и одинокой молодой женщины. Этот запах самый едкий — он пахнет слезами, которые сдерживают днем, и паникой перед неизвестностью.

Тоска навалилась такая, что захотелось обернуться пауком и забиться под плинтус до следующего столетия. Нет здесь места домовому. Здесь живут менеджеры среднего звена, ипотека и доставка роллов. Но делать нечего. Раз уж притащился, надо обживать. Первым делом — инспекция. Балкон. Балкон в этой бетонной коробке оказался единственным местом, откуда хоть немного тянуло ветром. Настоящим, степным, напоминающим о родине. Я шагнул сквозь стекло (приятное ощущение, покалывает, как иголоч-

ками), встал у перил. Закурил бы трубку, будь у меня легкие, способные держать дым. Стал смотреть вниз, на муравьиные потоки машин.

И тут меня ледяной коркой сковало. Слева. Соседняя стена. Квартира двенадцать. Это не сквозняк. Сквозняк несет пыль и простуду. А оттуда тянуло могильным холодом. Тем самым, который вымораживает душу изнутри, оставляя красивую, улыбчивую оболочку. Так пахнут старые склепы, забытые кладбища и черные мессы, проведенные с ошибкой в рунах. Я приняхался. Воздух вокруг соседской двери едва заметно рябил, искажая свет лампочки в тамбуре. Там кто-то был. Кто-то древний, голодный и невероятно сильный. Чернокнижник. Причем не из тех недоучек, что курят полынь на кладбище ради лайков в интернете, а настоящий, матеный практик. Тот, кто понимает цену силы. Впервые за двести лет службы моему роду мне стало по-настоящему страшно. Одно дело гонять пьяного соседа дядю Колю, решившего справиться нужду у бани, и совсем другое — чують концентрированную тьму через несущую стену.

Дверь нашей квартиры щелкнул замок. Светлана вошла тяжело, словно каждый шаг отдавался болью в пояснице. Белая медицинская форма помята, волосы, туго стянутые в пучок весь день, растрепались, несколько рыжих прядей лезут в лицо. Сумка с красным крестом глухо упала на пол. Она даже свет включать не стала. Прошла в комнату, опустилась прямо на голый ламинат, подтянула колени к груди и закры-

ла лицо руками.

Она плакала. Тихо, беззвучно, только плечи ходили ходунном. Устала девочка. Выдохлась. Двадцать пять лет, а выглядит на сорок — столько в ней сейчас задавленной боли и усталости. Из-за переезда, из-за одиночества, из-за дара своего дурацкого, который жрет ее изнутри, потому что нельзя стихи читать вслух, нельзя на эмоциях желать добра, нельзя карты в руки брать. Заморозила она себя заживо, лишь бы людей не калечить.

Мне плевать на московский лоск. Плевать на отсутствие печки. Если эта девчонка решит здесь удавиться от тоски, я сам стану призраком и буду греметь цепями, пока застройщик не обанкротится. Я подошел бесшумно. Просочился сквозь линолеум, сел рядом прямо на холодный пол. Протянул свою настоящую, узловатую руку — ту самую, которой когда-то качал колыбель еще ее матери. Положил тяжелую ладонь ей на макушку. Погладил по волосам. Рыжие они, яркие, искрами исходят, если долго смотреть. Магия в них спит чутко, клубком сворачивается.

— Ну-ну, девонька, — прошелестел я голосом старого шкафа. — Не вой. Стены тут тонкие, полицию вызовут, стыда не оберешься. Поплакала — и будя. Чай не барыня, чай Любомирова. Кровь у тебя горячая, сама знаешь.

Она вздрогнула. Не от страха — от узнавания. Люди редко чувствуют домовых кожей, но кровь всегда помнит прикосновения рода. Она медленно убрала руки от лица. Посмот-

рела в темноту комнаты покрасневшими глазами. Ничего не увидела, конечно. Для нее я сейчас просто густой ком тишины и старой деревенской защиты.

— Прости, Степушка, — выдохнула она в пустоту. Имя мое вырвалось само, привычное, как вздох. — Сил больше нет. Всё чужое. Даже воздух железом воняет.

— Стерпится-слюбится, — буркнул я, продолжая гладить ее по голове. — Печку сложим. Портрет Сталина на кухню повесим для солидности. Будешь жить как царица. Главное, чтоб соседи нормальные попались. А то слева, за стеночкой, смердит знатно. Как бы беды не вышло.

Она шмыгнула носом, кивнула каким-то своим мыслям. Достала из сумки телефон, посмотрела на экран. Ни одного пропущенного. Никому она тут не нужна. Кроме меня. Да кота этого рыжего, который наверняка уже метит мои углы в спальне. Света подтянула к себе матрас в вакуумном пакете, зубами разорвали упаковку, развернула. Легла прямо в халате, подмяв под голову сумку вместо подушки. Забылась тяжелым сном почти мгновенно.

Я посидел еще минут десять. Прислушивался к квартире. Трубы гудят ровно, проводка новая, мышей нет — есть плюсы. Но холод от стены номер двенадцать становился все ощутимее. Словно тот, за стеной, почувствовал мое присутствие и теперь проверяет границы дозволенного, ощупывая мою защиту своими темными щупальцами. Ничего. Границы будем ставить завтра. Кирпичом, солью и старым добрым рус-

ским матом, которого боится любая нежить. А сегодня главное сделано. Хозяйка спит. Жива. Теплая. Я переместился к батарее отопления, нашел там идеальное углубление за ребристой панелью. Самое место для наблюдательного поста. Укрылся паутиной, которая всегда следует за мной, куда бы я ни переезжал, и превратился в слух. Спать нам обоим нынче не положено. Первый день в логове зверя начался. И судя по запаху из квартиры двенадцать, зубы у этого зверя очень острые.

Прошло около часа. Город за окном ревел моторами, где-то далеко завывала сигнализация. Света ворочалась во сне, сбивая мохровую простыню которой я её укрыл. Кот, зараза пушистая, устроился у нее в ногах, заняв собой половину единственного одеяла. Я хотел было шугануть его фантомной скалкой, но передумал. Пусть лежит. Шерсть у него густая, пусть греет.

Я смотрел на стену. Там, в квартире двенадцать, началось движение. Сначала скрипнули половицы — хотя какие половицы в новостройке? Это хрустели суставы пространства, прогибающегося под тяжестью зла. Потом щелкнул замок. Тихо, профессионально, без единого лишнего звука. Дверь открылась. Я замер, уплотнив свой силуэт до состояния гранитной плиты. На порог нашей прихожей легла полоса света. Не электрического — мертвенно-синего, фосфорического. В этом свете пылинки в воздухе замерзли и падали вниз стеклянной крошкой. Он вошел босиком. Высокий, статный. Бе-

лоснежные волосы лежат идеально, дорогой шелковый халат распахнут, обнажая крепкую грудь без единого волоска. Красивый. Ангельски красивый. Такие женщинам головы сворачивают одним поворотом подбородка. Сосед. Я его ауру узнал сразу — выжженная земля, покрытая искусственным зеленым газоном. Он повел носом. Принюхался, как хищник. Обошел коробки, мазнул взглядом по вешалке. Остановился напротив спальни. Прищурился. Он видел меня сквозь стену. Чувствовал пульсацию рыжего дара Светланы, чувствовал мою старую крафтовую нить-оберег. Криво усмехнулся. Зубы у него были слишком ровные, слишком белые. Искусственные.

Виктор поднял руку и провел длинными пальцами по воздуху, касаясь плоскости стены. От его ладони пошла рябь, штукатурка под моими невидимыми ногами начала покрываться тонким слоем инея.

— Новая игрушка, — произнес он. Голос у него был бархатный, обволакивающий, гипнотический. — Свежая. Горячая. Редкий оттенок... «Рыжая кровь». Говорят, такие выгорают особенно ярко.

Он говорил не со мной. Он разговаривал сам с собой, смакуя перспективу.

— Тринадцатая, значит. Символично. Мне нужно тринадцать душ, маленькая глупышка. Тринадцать полноценных даров, чтобы замкнуть круг. Чтобы перестать просить милостыню у старых демонов и стать законом самому себе. Ты бу-

дешь первой красивой. Остальные были функциональными, тенями, а не женщинами. Целители, предсказатели, медиумы... Сухостой. А в тебе песня. Только ты ее петь боишься.

Меня начало трясти от ярости. Старый, трухлявый пенёк внутри меня трещал от злости. Эта сволочь пришла любоваться моим ребенком, пока она спит беззащитная! Я собрался. Вся накопленная за переезд энергия, вся боль разлуки с родным домом, вся тревога последних часов — я скатал это в тугий ком. Старая крапивная нить на моей груди вспыхнула жаром. Я ударил. Не кулаком — всей массой домовой сущности. По стене прошла судорога. Обои пошли пузырями. Синяя подсветка в коридоре соседа мигнула и лопнула с жалобным звоном. Сосед буквально отбросило на метр назад. Он пошатнулся, схватившись рукой за косяк. Халат соскользнул с плеча. На мгновение маска красивого мужчины слетела, обнажив истинное лицо — серое, иссушенное веками, с провалами вместо глазниц, заполненными жидким мраком.

— Нахлебник подъездный, — прохрипел он, выпрямляясь. Его голос перестал быть бархатным, став похожим на звук наждака по стеклу. — Древняя плесень. Не лезь под ноги. Девчонка принадлежит силе, а сила должна принадлежать достойному. Ей со мной будет уютно. Вечность — это очень долгий срок, старик. Я умею заботиться о своих коллекционных экземплярах.

Он снова приложил ладонь к стене. На этот раз яростнее.

Лед пополз по бетону, перекрывая щели. Он пытался заморозить мою чувствительность, отсечь меня от спальни, сделать глухим и слепым.

— Собирай свои узлы, дед, — прошипел сосед, наклоняясь к самой стене, так что его дыхание оставляло морозный след на поверхности. — Через неделю она сама попросит меня войти. Женщины любят красивых чудовищ. А те, что говорят обратное, просто боятся признать, насколько сильно их затягивает бездна. Я поцелую ее, заберу эту рыжую песню, и ты рассыплешься пеплом. Потому что домовые умирают, когда угасает очаг. А очага без огня не бывает.

Ярость застилала глаза. Я вложил остатки сил в защитный контур. Вокруг кровати Светланы, невидимая для обычного зрения, поднялась стена из запекшейся крови, земли родного поля и материнского благословения. Старинная, грубая магия. Та, что лечит золотуху и останавливает кровотечение из перерезанной артерии. Лицо Виктора исказилось. Холод наткнулся на преграду. Мрак зашипел, соприкоснувшись с честной земной силой.

— Война так война, — оскалился он. — Посмотрим, чей холодильник окажется вместительнее, хранитель.

Он отступил. Растворился в своем синем свете, оставив после себя запах чёрной магии и гниющих лилий. Замок щелкнул снова. Тишина вернулась. Но теперь она была тяжелой, свинцовой.

Я сполз по стене, теряя плотность. Переезд высосал меня

досуха. Контур держался, но я понимал — это аванс. Завтра он придет снова. И ему не нужны будут двери. Ему достаточно будет встать на балконе, протянуть руку, и ветер принесет ее сон прямо к нему в постель.

В комнате раздался шорох. Света перевернулась на другой бок, сбросив ногу с матраса. Простыня задралась. Во сне она что-то неразборчиво пробормотала — кажется, имя какого-то пациента из реанимации. Ресницы дрогнули. Я собрал последние крупы воли. Подошел к ней, наклонился. Коснулся губами ее горячего лба.

— Спи, доченька, — прошептал я. — Дед Степан рядом. Пока я дышу этим спертым московским воздухом, никакая белобрысая погань тебя пальцем не тронет. А завтра мы купим чеснок. Много чеснока. И святой воды наберём. И я научу этого рыжего бандита гадить исключительно в ботинки нашему очаровательному соседусшке. Будет знать, как угрожать порядочным домовым.

Я вернулся за батарею. Сел, подобрал под себя ноги. За окном занималась мутная, серая заря. Ноги гудели, старая рана в боку, полученная еще в восемнадцатом веке от пьяного казацкого сабельного удара (тогда я тоже защищал одну такую же рыжую дуреху), заныла тупой болью. Тринадцать одаренных. Круг. Значит, где-то еще несколько таких же несчастных ждут своего «красивого блондина» в шелковом халате. Что ж, посмотрим, умеет ли он крутить магическую карусель удачи против пламени домашнего уюта. Нам

понадобятся любые союзники, поищем. Потому что квартира номер тринадцать только что превратилась из нового дома в линию фронта. И сдавать ее в наем и тем более проигрывать в такой игре, я никому не собираюсь.

Янтарь

Я не люблю коробки. Это аксиома кошачьего мира, понятная любому существу с хвостом и работающими инстинктами. Коробка — это вынужденная мера. Это транспортировка в ветеринарную клинику, пахнущую страхом и спиртом. Это переезд на дачу, где тебя тошнит от духоты и запаха бензина. Но эта конкретная картонная коробка из-под итальянского кухонного комбайна была моим добровольным выбором. Моей спецоперацией.

Когда Света начала метаться по старому дому, хватаясь то за чайник, то за альбом с фотографиями, я понял: дело дрянь. Моя рыжая кровь, та самая «родовая сила», о которой так любила вещать покойная бабка Марфа, почуяла неладное еще неделю назад. В нашем городишке стало тесно. Воздух там загустел, как прошлогодний кисель, а люди стали смотреть сквозь меня, словно я обычный помоечный кот, а не носитель древней магии. Света собирала вещи хаотично, бросала свитера поверх фарфоровых чашек, плакала над каждой второй книгой. Она пыталась сбежать от себя, но дар-то сидел внутри нее, пульсировал под кожей горячими угольками. Если она уедет одна — сгорит к чертям собачьим через месяц столичной суеты.

Поэтому, когда грузчик ухватился за коробку с надписью «ХРУПКОЕ! СТЕКЛО!», я уже был внутри. Устроился между ее старым шерстяным пледом и банкой с гречкой. Пахло пылью, домом и бедой. Я зажмурил желтые глаза и сделал вид, что я просто очень объемный воротник.

Дорога до Москвы запомнилась мне бесконечной вибрацией и вонью дешевого дизеля. Человеческие самцы на парковке матерились так, что даже мой внутренний демон, отвечающий за порчу мебели, морщился. Мы тряслись часами. Я терпел. Ради высокой цели можно потерпеть даже отсутствие биде. А потом появился он. Дед. Домовой Степан вывалился откуда-то из вентиляционной решетки фургона прямо посреди стоянки на объездной. Выглядел он как старый пенёк, который слишком долго пролежал в болоте: борода великим, глазищи мутные, несет от него сыростью и печным угаром. Он завис в воздухе напротив моей коробки, сложил прозрачные руки на груди и прошипел:

— А ты тут какого лешего забыл, меховой?

Я лениво потянулся, выпустив когти сквозь картон, зевнул ему прямо в бородатую физиономию и отвернулся. Мол, шел бы ты, дедушка, лесом, не затмеваешь ли мне ультрафиолет своим астральным телом? Степан обиделся. Серьезно так, по-детски. Начал швыряться в меня эманациями старой паутины и жаловаться, что квартира чужая, Москва — каменный мешок, а теперь еще и я претендую на хозяйкину любовь. Ревнивец старый. Будто он не понимает, что мы с

ним сейчас — единый фронт обороны. Два охранника при одной золотой жиле.

Москва встретила нас равнодушием асфальта. Когда двери фургона открылись, в легкие ударил запах миллионов людей. Пот, выхлопы, дешевый кофе, тревога. Люди здесь бежали, даже стоя на месте. Они излучали столько нервного электричества, что моя шерсть стояла дыбом без всякой статики. Света расплатилась с водителем дрожащими руками. Забыла дать мне выйти. Пришлось деликатно скрести картон изнутри когтями, намекая, что элитному животному нужен свежий воздух для осмотра владений.

Квартира номер тринадцать. Первое впечатление — стерильно. Как в операционной. Ни тебе сквозняков, которые знают все секреты хозяев, ни скрипучих половиц, хранящих истории поколений. Голый бетон, облагороженный ламинатом цвета «выброшенный на берег дуб». Пахнет краской, пластиком и одиночеством. Этот запах самый едкий. От него хочется жрать обои.

Я вошел первым.

Грაციозно, переставляя лапы так, чтобы каждый шаг отдавался достоинством. Обошел периметр. Подоконник. Широкий, пластиковый, идеально ровный. Солнце сюда заглядывало ровно на два часа вечером — идеальное место для медитации и вылизывания гениталий. Я вспрыгнул туда, обернул хвост вокруг передних лап, прикрыл глаза. Благодарь. Тепло бетона прогревает мои старые кости (ну ладно,

не такие уж они и старые, мне всего три года, но для мага такого уровня износ идет быстрее).

— Слезай, блохастый, — раздалось снизу мерзким шепотом. — Это точка пересечения меридианов. Я её застолбил. Степан материализовался прямо на моем подоконнике. Прозрачный, противный, занимает собой всё пространство и портит энергетический фон своей ворчливой аурой.

— Твоя бабушка эти меридианы настойкой боярышника мерила, — огрызнулся я, не открывая глаз. — Проваливай за холодильник, пенёк. Здесь урбанистическая эстетика, твоему тлену тут не рады.

Мы сцепились. Не физически — силы тратить на драку было глупо, впереди много работы. Мы сошлись в битве взглядов и шипения. Я выгнул спину идеальной дугой, увеличившись в размерах раза в полтора. Шерсть встала иглами вдоль позвоночника. Степан надул щеки, став похожим на бледную жабу, и начал вращать глазами. По стенам пошла рябь, старая розетка в углу тихо заискрила. Мы кружили по узкому пространству подоконника, пытаясь вытеснить друг друга эфирными телами, пока внизу наша девочка методично, одну за другой, вскрывала коробки ножом. Хруст картона резонировал в моих чувствительных ушах, вызывая желание впиться зубами в чью-нибудь полупрозрачную ногу.

Эта гонка выжала нас обоих. К тому моменту, как Светлана закончила стаскивать матрасы и подушки в центр комнаты, превратив пол в подобие цыганского табора, мы выдох-

лись. Развалились по разным углам: я занял стратегическую высоту на книжной полке, этот упырь засел за батареей. Договорились о временном нейтралитете. До первой мыши.

И тут началось самое интересное. Света села на пол. Просто рухнула на голый матрас, подтянула колени к подбородку, спрятала в них лицо и завывала. Тихо, страшно, беззвучно. Так воют волчицы, потерявшие выводок. Вибрация этого звука прошла сквозь доски пола прямо в мою грудную клетку. Там, где у обычных кошек сердце, у меня горит маленький ядерный реактор родовой силы. И он болезненно сжался. Она плакала не от физической боли. Она плакала от того, что предала саму себя. Я чувствовал это лучше любого детектора лжи. Бабка говорила: «Янтарик, наш дар — он как огонь в печи. Перекроешь заслонку — угорит весь дом». Света перекрыла заслонку намертво. Заморозила свои стихи, свои жесты, свои желания. Заперла магию в подвале подсознания, а ключ выбросила. Теперь этот пожар искал выход, плавя ей внутренности.

Степан оказался рядом раньше меня. Старый хрыч просочился сквозь ламинат, превратился в бесформенное пятно теплого воздуха и опустился ей на макушку. Гладил невидимой рукой по рыжим волосам. Рыжая кровь... Она вспыхивает в темноте, если смотреть истинным зрением. Каждая прядь светится, как нить накаливания перед взрывом. Красиво. Опасно. Соблазнительно. Я спрыгнул с полки. Бесшумно, перенося вес на задние лапы. Подошел к ней со спины.

Остановился. Принюхался. Кроме соли и отчаяния, от нее пахло хлоркой (видимо, смена в клинике была тяжелой) и чем-то металлическим. Страхом. Чистое железо страха. Она вдруг подняла голову. Посмотрела прямо на меня. Глаза зеленые, огромные, влажные. В человеческом зрении я — просто силуэт рыжего кота в полумраке. Но она смотрела *сквозь*. Она видела янтарное пламя в моих зрачках.

— Пришел, — прошептала она. Голос сорванный, чужой.
— Хорошо хоть ты настоящий.

Я подошел вплотную. Ткнулся мокрым холодным носом в ее ключицу. Позволил руке лечь мне на шею. Ее пальцы были ледяными, но едва коснувшись моей шерсти, начали теплеть. Магия всегда тянется к магии, даже если хозяйка орет «Нельзя!» и зажимает себе рот ладонями. Контакт состоялся. Система заземления заработала.

Она откинулась на рабочую сумку заменившую подушки, увлекая меня за собой. Я позволил уложить себя поперек ее груди. Живой грелка весом в пять килограмм чистого высокомерия. Положил голову на ее плечо, слушая, как медленно, со скрипом ржавых шестеренок, начинает успокаиваться ее пульс. Рядом, у ног, тяжело вздохнул Степан, укладываясь невидимым ковриком. Впервые за долгие годы мы со старым пнем лежали в мире. Общая территория. Общий объект защиты. Света уснула через минуту. Просто выключилась, провалившись в сон так глубоко, будто кто-то нажал рубильник. Дыхание выровнялось, напряжение покинуло пле-

чи. Только ресницы иногда вздрагивали.

Я остался бодрствовать. Глупо спать в осажденной крепости. А эта квартира ею являлась, просто Света этого еще не понимала. Я сменил позицию. Сполз с ее груди — дышать человеку нужно кислородом, а не кошачьей шерстью — и перебрался сногала в ноги. Но потом не удержался и пошел к входной двери. Лег поперек порога. Мои вибриссы — это не просто жесткие волосы для оценки ширины щели. Это антенны. Самые точные в природе датчики темной энергии.

Сначала ничего не было. Обычный шум большого дома: лифт гудит, соседи сверху двигают мебель, внизу хлопнула дверь машины. Городской белый шум. А потом пришел Он. Это нельзя назвать звуком или запахом. Это ощущается как изменение давления. Словно комнату внезапно заполнили тяжелой, вязкой нефтью. Температура упала градусов на пять мгновенно. Я почувствовал это шкурой — кончики ушей заledenели. Из-за стены. Квартира двенадцать. Кто-то смотрел на нашу спящую девочку. Смотрел не физическими органами зрения. Это был взгляд-вектор. Узконаправленный луч абсолютной тьмы, которым сканировали квартиру, считывая планировку, замки и, главное, ауру Светланы. Этот взгляд скользнул по стене спальни, прошел сквозь штукатурку, наткнулся на защитный контур Степана (я почувствовал, как по полу пробежала легкая судорога недовольства старого домового), мазнул по моему хвосту и замер. Оно — кем бы оно ни было — знало, что я здесь. Знало, что я не просто пу-

шистый аксессуар. Почувствовало моего внутреннего зверя.

Я прижался брюхом к ламинату. Уши легли плотно к черепу. Спина сама собой выгнулась, хотя я старался сохранять расслабленную позу отдыхающего хищника. Когти медленно, один за другим, вышли из пазух. Цокнули по плитке у двери. Звук в мертвой тишине прозвучал как выстрел. Взгляд дрогнул. Насторожился. Оценивал угрозу. Я оскалился. Демонстративно провел языком по клыкам. Пусть смотрит. Пусть видит молодого, полного сил рыжего кота, чья слюна токсична для низших духов, а мурлыканье входит в диссонанс с любой черной мессой.

«Ну давай, — думал я, глядя в темноту коридора за дверью. — Попробуй войти. Между мной и этой девочкой стоит только моя безупречная координация и острые когти. Давай, стань статистикой пропавших без вести призраков».

Существо за стеной отступило. Давление схлынуло так же быстро, как и появилось. Остался лишь легкий озоновый привкус грозы и ощущение липкой грязи на шерсти. Кто бы там ни жил в квартире двенадцать — это не сосед с перфоратором. Это нечто древнее, голодное и невероятно красивое внешне. Я знал этот типаж. Те, кто питается доверием. Вампиры эмоционального спектра. Такие обычно носят дорогие костюмы, ездят на машинах представительского класса и пахнут успехом. Но за улыбкой прячут челюсти бездны.

Света всхлипнула во сне. Перевернулась на бок, сбросив одеяло. Простыня сбилась комком. Во сне она выглядела та-

кой юной, такой уязвимой, что у меня защемило где-то в районе диафрагмы. Инстинкт требовал схватить ее за шкуру, закинуть на самую высокую антресоль в кладовке и сидеть там, охраняя, пока враг не сдохнет от старости. Но я цивилизованный кот. Почти. Я поднялся. Потянулся, выгибая спину идеальным мостиком, разминая мышцы. Прошел мимо спящего прозрачным холмиком Степана. Тот причмокнул губами во сне и перевернулся на другой бок. Старый дурак уверен, что его крафтовая ниточка спасет мир. Ниточка хороша от сглаза, но против структурированной боевой магии нужна тяжелая артиллерия. Например, мои зубы.

Я обошел кровать. Прислушался к звукам квартиры двенадцать. Там было подозрительно тихо. Слишком тихо для жилого помещения. Ни шума воды, ни щелчков выключателей. Только глухая, ватная пустота, которая бывает в свежевырытых могилах. Дверь нашей спальни была приоткрыта. Идеальная позиция для контроля. Я толкнул ее лбом, расширяя проем, и лег точно посередине. Поперек. Лапы вытянуты, хвост мерно постукивает по полу. Броненосец в карауле. Любой, кто захочет пройти к кровати Светланы, сначала должен будет договориться со мной. А договариваться я умею только одним способом — оставляя глубокие, плохо заживающие борозды на мягких тканях противника.

Пока я нес свой дозор, мозг анализировал ситуацию. Виктор. Сосед слева. Я слышал, как Света упоминала это имя днем, разговаривая по телефону с какой-то подругой. «Пред-

ставляешь, въехал блондин, красавец, вежливый такой, помог коробки донести...»

Люди. Какие же вы идиоты. Блондин помогает нести коробки, потому что хочет знать точный вектор твоей энергетики. Вежливый, потому что изучает твои болевые точки. Красивый, потому что приманка должна быть качественной. Он приходил сегодня. Пока мы ругались со Степаном на кухне из-за территории, Виктор стоял на балконе смежной квартиры. Я видел его силуэт сквозь жалюзи. Он курил. Сигарета не давала дыма — она всасывала свет. Классика жанра. Чернокнижник нового поколения. Играет в эстета, пьет дорогой виски, коллекционирует души одаренных. Ему нужно тринадцать таких, как Света. Тринадцать вспышек, чтобы стать вечным солнцем для всей их теневой братии. Амбициозный мальчик. Обычно такие амбиции заканчиваются разрывом контракта с Нижним миром и потерей конечностей, но до этого момента он успеет выпить немало крови.

Сергей..., как его там?... Сосед справа? Или этажом выше? Я пока не вычислил его точную дислокацию, но его след в пространстве сиял иначе. Золото. Много старого, тяжелого золота. И усталость. Такая глубокая, вековая усталость хищника, запертого в зоопарке собственных обязательств. Он тоже смотрел на Светлану. Но его взгляд грел. Он хотел забрать ее не в коллекцию, а под крыло. Закрыть собой от ветра. Проблема в том, что Сергей прятался. Носил маску водителя, скромничал. Придурок. В Москве скромность уби-

вает быстрее кирпича. Нам нужен союзник, а не еще один зритель трагедии. Придется брать инициативу на себя. Завтра утром я постараюсь «случайно» выскочить из квартиры одновременно с ним. Потрусь о штанину, посмотрю жалобно. Авось поймет намеки высших сил.

Ночь вступала в свои права. За окном включились неоновые вывески магазинов внизу, окрашивая потолок нашей спальни в мертвенно-фиолетовый цвет. Света снова пошевелилась. Сунула руку вниз, ища привычную опору. Наткнулась на мой густой мех. Пальцы запутались, сжали мое ухо.

— Хороший Янтарчик, — пробормотала она сквозь сон, даже не открывая глаз. — Мой хороший... Хороший. Да. Самый лучший в этом секторе галактики.

Я позволил ей почесать меня за ухом. Даже мурлыкнул тихонько, басовито. Низкие частоты моего мурлыканья работают как инфразвук — отпугивают мелких лярв и успокаивают нервную систему человека. Пусть спит. Набирается сил. Первый день в столице — это всегда шок. А завтра начнется настоящая работа. Нужно обойти всю квартиру, найти слепые зоны видеокамер (если этот сосед окажется параноиком), пометить углы своим присутствием (не жидкостью, разумеется, а энергетической меткой) и выяснить, какая именно дрянь живет в вентиляции ванной.

Я положил голову на скрещенные лапы, продолжая бурлить взглядом закрытую входную дверь. Желтые глаза в темноте светились двумя маленькими фонарями. Квартира но-

мер тринадцать. Добро пожаловать домой, хозяйка. Теперь у вас есть крыша над головой, бесплатный массаж от старого ворчуна за батареей и персональный лев-хранитель у порога. Спи сладко. Посторонним вход воспрещен. Нарушителей будем обрабатывать согласно прайс-листу: мелкая нечисть — ультразвук; крупные демоны — фаербол в морду (как только научусь их выпускать); красивые соседи-колдуны — внезапный приступ диареи и падение люстры на голову. Я зевнул, продемонстрировав идеальный набор зубов, и прикрыл глаза, оставаясь начеку. Охрана первого лица государства началась. И пусть только попробует этот белобрысый модник из двенадцатой квартиры испортить мне новую лежанку. Своими руками задушу. То есть, своими лапами выпотрошу.

День второй — Соседи

Степан

Будильники в Москве — это не просто звук, это звуковая попытка для тонких материй. В нашем старом доме на окраине райцентра утро начиналось с крика петуха и запаха парного молока. Здесь же Светлану поднял электронный визг, от которого у меня заложило уши, хотя их, строго говоря, нет. Я висел под потолком, уплотнив свой эфирный силуэт до состояния густого тумана, и наблюдал за утренним хаосом.

Двадцать пять лет девке, а собирается она так, будто бежит из горящего сарая. Рыжие волосы торчат во все стороны вороньим гнездом — даже расческу забыла распаковать. Мечется по квартире: чайник свистит, тостер плюется подгоревшим хлебом, тушь для ресниц никак не хочет ложиться ровно. От нее пахнет тревогой, дешевым кофе и хлоргексидином. Работа в престижной клинике начинается с того, что нужно продезинфицировать мир вокруг себя, но саму себя спасти от усталости она забывает.

— Так, Янтарь, — бросила она коту, который лениво потягивался на единственном кресле, игнорируя суету. — Сидишь дома. Мышей ловить не надо, тут ламинат, они сюда не ходят. Главное — ничего не жуй. Провода я спрятала... Кажется.

Янтарь лишь моргнул желтым глазом. Дескать, женщина,

уймись, мои интересы лежат выше твоих проводов, в плоскости духовных практик и кражи сосисок.

Света схватила сумку с красным крестом, чмокнула воздух где-то в районе моего левого уха (привычка, оставшаяся от прощания с матерью) и вывалилась за дверь. Замок щелкнул. Ключ повернулся дважды. Тишина обрушилась на квартиру такая плотная, что зазвенело в несуществующих барабанных перепонках. Я выдохнул. Наконец-то можно работать без помех со стороны двуногих.

Первым делом я решил провести полную инвентаризацию территории. Домовой должен знать каждый гвоздь в своем хозяйстве. Я спикировал вниз, прошел сквозь паркет, сканируя перекрытия. Трубы отопления гудят ровно, проводка новая, медная — искрит меньше, чем алюминиевая, значит, пожара ждать неоткуда. Под ванной обнаружилось осиное гнездо. Выкурил их старым дедовским способом — дыхнул холодом так, что осы впали в анабиоз. Нечего тут моей девочке аллергию провоцировать. Поднялся обратно в материальный план. Окинул взглядом комнату. Пусто. Стерильно. Нет души. Чтобы дом стал домом, в нем должна поселиться история, а пока здесь только запах чужого ремонта. Но главная проблема была не внутри. Главная проблема жила слева. За стеной квартиры номер двенадцать.

Вчера вечером я был слишком занят защитой спящей хозяйки и разборками с рыжим самозванцем, чтобы детально изучить соседа. Чувствовал только фон — тяжелый, как мо-

гильная плита. Но сейчас, когда квартира опустела, этот фон начал пульсировать. Ровно, ритмично, словно огромное черное сердце билось за гипсокартоном. Любопытство кошку сгубило, а домового оно обычно приводит к необходимости делать капитальный ремонт после изгнания бесов. Но сидеть сиднем, пока эта пигалица бежит по незнакомому городу, я не мог. Нужно знать врага в лицо. Или хотя бы в ауру.

Я просочился сквозь стену коридора. Материализовался прямо в общем тамбуре перед дверью двенадцатой квартиры. Первое, что ударило в нос — запах ладана. Но не церковного, сладкого и светлого. Это был запах дикого, горького миндаля, сгоревших перьев черного ворона и старого кладбищенского железа. Кто-то недавно проводил активную работу. И работа эта мне очень не нравилась. Я припал ухом к двери. Тонкая преграда из прессованного картона и шпона. Для обычного человека — стена. Для меня — мембрана динамика. Изнутри доносился голос. Мужской. Низкий, бархатный, обволакивающий. Он говорил тихо, почти ласково, но каждое слово вибрировало в воздухе, заставляя краску на стенах трескаться микроскопическими паутинками. Латынь. Не та красивая латынь, которую зубрят студенты-медики вроде Светы. Не «*Aqua destillata*». Это была старая, корневая, темная латынь времен первых пактов с Нижним миром. Слова падали свинцовыми каплями: — *Per umbras noctis et sanguinem viginti unius...* Сквозь тени ночи и кровь двадцати одного... Я похолодел. Старые кости внутри меня, те самые,

что помнили еще Ивана Грозного, мелко затряслись. Бабка Марфа Игнатьевна рассказывала мне такие сказки на ночь, от которых молоко скисало прямо в крынке. Она говорила о таких, кто берет чужое через прикосновение. Через поцелуй. Колдуны-пиявки. Они не создают магию сами — кишка тонка родовую силу пробудить. Они высасывают ее из одаренных. Выпивают до дна, оставляя пустую, безумную оболочку. Чтобы стать по-настоящему сильным, им нужен круг. Тринадцать полных даров. Тринадцать ярких вспышек жизни, которые можно сожрать. Моя дурочка-светлячок — идеальная цель. Молодая, сильная, необученная и запуганная собственной силой. Первый кандидат в его коллекцию.

Голос за дверью смолк. Наступила звенящая тишина. Я стоял, прижавшись к стене, пытаюсь унять бешено колотящееся призрачное сердце. Если он выйдет сейчас — мне конец. Обычный домовый против обученного чернокнижника — это как таракан против тапка. Разница лишь в том, что таракан может убежать, а мне бежать нельзя. Хозяйка велела охранять.

Нужно было проверить щит. Любой уважающий себя черный маг ставит на дверь печать. Я протянул руку, собираюсь просто коснуться поверхности, оценить плотность защиты. Никогда не делайте этого, если не уверены в квалификации противника. Едва кончики моих прозрачных пальцев коснулись дерева, как по руке прошла волна такого холода, что боль пронзила меня до самого основания сущности. Боль

первородная. Это не мороз. Мороз кусает кожу. Эта штука вцепилась в мою суть, выжигая эктоплазму. Защитный барьер был невидимым, но ощущался как раскаленное стекло, смазанное кислотой. Невидимая стена отбросила меня назад. Я пролетел сквозь собственную входную дверь, врезался спиной в вешалку в прихожей, и куча курток рухнула на меня с глухим стуком пластиковых пуговиц.

— Ш-ш-штоб тебя! — прошипел я, тряся рукой. Кончики пальцев ныли фантомной болью. — Чтоб тебе икалось век вечный, белобрысый упырь!

Он всё предусмотрел. Каждую щель законопатил. Пробриться внутрь невозможно. Значит, придется встречать его на нашей территории.

Вернувшись в вертикальное положение, я принялся за работу. Если враг укрепил фланги, нужно строить фортификации. Война так война. Для начала — зеркала. У Светы было одно, небольшое, в дешевой пластиковой раме, стояло на подоконнике. Я взял его двумя руками. Зеркала — это порталы. В них отражается то, чего нет, и прячется то, что есть. Я развернул его лицом к входной двери, но прислонил под углом. Теперь любой гость, посмотревший в него из коридора, увидит не уютную прихожую, а бесконечный лабиринт отражений, сводящий с ума мелкую нежить. Мелочь, а неприятно. Затем соль. Обычная поваренная соль — лучший поглотитель негатива. Я материализовался на кухне, нашел запечатанный пакет. Рассыпал тонкую, едва заметную

дорожку вдоль порога. Соль будет скрипеть под ногами любого, кто несет тьму. С нитками пришлось повозиться дольше всего. Нужна красная шерсть. Носок Света взяла с собой, шарф тоже. Пришлось лезть в коробку с надписью «Зимние вещи», искать старый бабкин пуховый платок. Распускать его пальцами больно — волокна цепляются за сущность. Но я справился. Сплел из трех шерстяных прядей косицу, нашептывая наговор старой школы:

— Как нитка к нитке льнет, так и беда мой порог обойдет. Как узел креплю, так и зубы врагу обломлю. Черному — черное, рыжему — солнышко, моему дому — покой. Повесил плетенку на ручку двери изнутри. Простенько, кустарно, но вкупе с солью и зеркалами создает неплохой такой терновый венец для незваных гостей.

Работа заняла около часа. Когда я закончил, квартира перестала быть похожа на гостиничный номер. Воздух загустел, стал тяжелым, защитным. Теперь ни одна муха не пролетит незамеченной. Я занял пост у замочной скважины, превратившись в абсолютно плоское пятно на обоях. Ждать пришлось недолго.

Сначала хлопнула дверь лифта. Потом раздались шаги. Женские, легкие, чуть торопливые. Цокот каблучков по бетону. Света. Усталая смена чувствуется сразу — походка тяжелее, плечи опущены. Сумка с красным крестом бьет по колену. Она остановилась у нашей двери. Начала копаться в сумочке, ища ключи. Звякнула связка. И в тот же момент, син-

хронно, как по команде, замок квартиры двенадцать щелкнул. Мое нутро скрутило ледяным узлом. Засада. Классическая, театральная, издевательская засада. Он ждал её. Стоял там, за своей проклятой дверью, слушал шаги и вышел именно тогда, когда она оказалась максимально уязвима — между чужими порогами, одной ногой уже в безопасности, другой — еще в шумном подъезде.

Дверь двенадцатой квартиры открылась. Без скрипа. Петли явно смазаны чем-то дорогим, импортным. На площадку шагнул он. Виктор. Если бы я вчера не слышал, как он читает заклинания на мертвом языке, я бы сам открыл ему дверь и предложил чаю. Высокий. Статный. Лет тридцати на вид, хотя таким лицам может быть и триста. Волосы цвета выгоревшей пшеницы, кожа гладкая, без единой морщинки — результат либо дорогих кремов, либо регулярного приема жизненных сил юных дев. Одет в кашемировое пальто небрежно, но так, что ценник мысленно дорисовывается с пятью нулями. Улыбается. Зубы ровные, белые. Идеальный хищник.

— Добрый вечер, Светлана? — его голос обволакивал лестничную клетку медом. — Мы вчера разминулись. Я ваш новый сосед. Виктор. Я вам ещё коробку донёс...

Света вздрогнула от неожиданности, обернулась. Лицо ее пошло красными пятнами — то ли от смущения, то ли от внезапности. Она машинально поправила выбившуюся рыжую прядь.

— Да, здравствуйте, — пролепетала она. — Очень приятно. Я только вчера въехала... Ещё никого из соседей не знаю...

— Я заметил, — он сделал шаг вперед, сокращая дистанцию. Профессионально, плавно, лишая ее пространства для маневра. — Грузчики заносили коробки весь день. Решил проявить гостеприимство. Может, зайдете? У меня отличный коллекционный виски. Или могу помочь донести вашу сумку, она выглядит тяжелой.

Я, висящий над ними невидимой гарью, зарычал. Этот гад использует классическую схему "Спаситель". Помощь даме, усталость дамы, предложение зайти "на минуточку". А потом горячий напиток, приглушенный свет, касание руки... и дар утекает вместе с жизнью. Света совсем растерялась. Она смотрела на него снизу вверх, и зеленые глаза начали мутнеть, затягиваться поволокой. Его харизма работала лучше любого приворотного зелья. Люди слабы.

— Нет-нет, спасибо, я... я очень устала, — попыталась отступить она, но наткнулась спиной на нашу дверь. Ключи предательски звякнули снова.

— Позвольте хотя бы представиться официально, — он улыбнулся еще шире. Протянул руку для рукопожатия.

Вот оно. Начало конца. Когда черные колдуныжимают руку женщине, которой симпатизируют, они не просто касаются кожи. Они пускают корни. Тонкие, как нейронные связи, темные нити-присоски. По ним проще всего перека-

чать энергию, особенно если жертва расслаблена или напугана. Я метнулся вперед. Прошел сквозь дверь, встал между ними. Попытался перехватить его ладонь своим эфемерным телом. Ударить током, оттолкнуть, сделать хоть что-нибудь! Моя рука встретила пустоту. Вернее, вязкое сопротивление. Его пальцы прошли сквозь мое астральное тело, но вслед за ними тянулась она. Тёмная нить. Густая, блестящая, похожая на струну контрабаса. Она отделилась от его ладони и полетела к Светлане, целясь точно в запястье, туда, где бьется жилка. — СТОЙ! — заорал я, вкладывая в крик всю мощь домового-защитника. Воздух в подъезде дрогнул. Лампочка лопнула, осыпав нас стеклянной крошкой. Нить дернулась, обожгла меня краем своего мрака. Боль была адской — словно тысячи раскаленных игл вонзились в призрачную плоть. Я взвыл, отшатываясь. На секунду потерял концентрацию, став прозрачным дымом. А Виктор уже держал руку Светланы. Его пальцы были теплыми. Даже горячими. Он мягко сжал ее ладонь, глядя прямо в глаза.

— Очень рад знакомству, — произнес он. — Теперь мы соседи. Обращайтесь, если что-то понадобится. Любая помощь.

Света кивнула, как кукла. Улыбнулась робко, глупо. Вся воля вытекла из нее через это чертово рукопожатие. А я смотрел на место их соприкосновения. Оттуда, из центра их сцепленных рук, поднималась тонкая струйка дыма. Только это был не дым. Это была сила. Та самая «рыжая кровь»,

теплый золотой свет, который составляет суть моей девочки. Она втягивалась в него. Одна капля. Маленькая, размером с булавочную головку, но невероятно концентрированная. Для Виктора это как рюмка элитного коньяка. Для Светы — вырванный кусок ауры. Место укуса на ее энергетическом теле теперь будет ныть неделю, вызывая мигрени и слабость.

Виктор отпустил ее руку. Обжег меня быстрым взглядом своих ледяных голубых глаз поверх ее головы. В этом взгляде не было угрозы. Там было веселье. Азарт охотника, который увидел самую вкусную добычу в лесу и знает, что она никуда не денется.

— До встречи, соседка, — бросил он, разворачиваясь. Щелкнул замок его квартиры. Дверь закрылась беззвучно.

Светлана осталась стоять в коридоре. Потрясла головой, словно прогоняя сон. Посмотрела на свою руку, недоуменно хмурясь. Ей показалось, что ей стало резко холодно, хотя в подъезде тепло. Она вставила ключ в замок. Прошла внутрь. Бросила сумку на пол. Прислонилась спиной к захлопнувшейся двери и медленно сползла по ней на коврик. Закрыла лицо руками.

— Господи, — выдохнула она. — Что это было?

Я материализовался рядом. Сел на пол напротив. Достал из воздуха кружку с остатками вчерашнего чая, подогрел ее внутренним жаром до состояния кипятка. Поставил перед ней. Она не видела, но пар согрел ее колени. Рыжая моя. Зе-

леноглазая. Ты даже не представляешь, насколько глубоко ты увязла. Этот красавчик не просто сосед. Он твой персональный дьявол. И судя по тому, как легко он снял первый слой защиты, завтра он принесет пирог. Или предложит починить кран. А нам с Янтарем придется грызть эти темные нити зубами, потому что иначе к десятой главе твоей жизни собирать будет нечего — выпьет досуха. Я вздохнул, подпер полупрозрачную голову кулаком и уставился на свою дрожащую руку. Кожа до сих пор пузырилась от ожога той нити. Веселая жизнь намечается, Степан. Просто обхохочешься.

Янтарь

Люди наивно полагают, что кошачий сон глубок и безмятежен. Это заблуждение стоит им поцарапанных рук в три часа ночи, когда мы внезапно решаем, что невидимая муха на потолке представляет угрозу национальной безопасности. На самом деле кот никогда не спит полностью. Даже когда мои желтые глаза закрыты, а тело расслаблено до состояния теплого пластилина, уши продолжают работать как локаторы дальнего радиуса действия, сканируя пространство.

Утро началось с предательства. Света ушла. Она долго топталась в прихожей, пахнувшая усталостью, антисептиком и тем самым дешевым кофе из автомата, который люди пьют исключительно от отчаяния. Она потрепала меня между ушей своей ледяной рукой.

— Охраняй дом, рыжий, — прошептала она. — И не ешь Степана, если он вылезет. Он старый, у него кости хрупкие.

Покрайней мере мне так бабушка говорила.

Я лишь дернул ухом. Съесть этого пенопластового призрака? Пфе. У меня от его астральной пыли несварение случается. К тому же, старая метла за батареей сегодня утром предпринял жалкую попытку расширить свои владения и залез на мою полку с книгами по квантовой физике. Я оставил ему на обложке «Квантовая оптика» мокрый отпечаток лапы и пучок выдранной шерсти. Пусть знает свое место. Зона ответственности кота — вертикаль. Зона ответственности домового — пыль под диваном. Мы заключили временное перемирие, скрепленное взаимным презрением к человеческой суете.

Как только щелкнул замок входной двери, отрезая хозяйку от дома, я открыл глаза. Пора инспектировать территорию. Домовому достался коридор и кухня, мне — все самое интересное: высота, свет и окна. Первым делом — обход владений. Я спрыгнул с кресла бесшумно, перенеся вес на подушечки лап. Ламинад здесь холодный, мертвый, но вибрации передает отлично. Я чувствую каждый шаг соседей сверху, слышу, как этажом ниже ругается супружеская пара из-за пересоленного супа. В квартире номер тринадцать было слишком тихо. Стерильность новой жизни давила. Мне нужен был ориентир. Маяк. Окно.

Я направился в гостиную. Подоконник там оказался пластиковым, широким и идеально ровным — мечта любого перфекциониста среди хищников. Я вспрыгнул туда од-

ним плавным движением, заставив тюль колыхнуться. Припал животом к поверхности, распластался, впитывая скудное осеннее тепло Москвы. За стеклом открывался вид на типичный московский двор-колодец. Серый асфальт, чахлые деревья в железных клетках, детская площадка, которая выглядит так, будто проектировал её поклонник кубизма в состоянии тяжелого похмелья. Внизу бабуля выгуливала йоркширского терьера. Пес трясся, несмотря на попонку цвета фуксии. Жалкое зрелище. Ни гордости, ни охотничьего инстинкта. Если бы природа наделила меня таким размером, я бы давно ушел в монастырь или стал диктатором подъезда.

Но мое внимание привлекло не окно во двор. Моя голова повернулась на сто восемьдесят градусов в сторону другого проема — огромного панорамного окна, выходящего на проезжую часть. Там жизнь кипела иначе. Мчались дорогие машины, сигналив друг другу с такой злобой, словно делили наследство. Но главное — запахи. Оттуда, снизу, поднимался коктейль ароматов, от которого мой нос затрепетал. Дорогая кожа салона, терпкий одеколон, способный валить бизонов на расстоянии десяти метров, едва уловимый запах оружейной смазки (интересно...) и что-то еще... фундаментальное. Запах власти. Не той дешевой власти, которой воняют мелкие чиновники в поликлиниках, оружие на медсестер. А тяжелой, старой, уверенной силы человека, который привык покупать континенты оптом.

Я прищурился, фокусируясь на точке прибытия. К самому

козырьку нашего подъезда плавно, почти беззвучно подкатил автомобиль. Черный. Гладкий. От него веяло такой опасностью и деньгами, что шерсть вдоль позвоночника сама собой начала приподниматься. Это была не агрессия уличного хулигана, это была угроза матерого волка вожаку чужой стаи. Дверь открылась. Из недр кожаного салона показалась нога в дорогом ботинке ручной работы. Затем вышел весь мужчина. Света назвала бы его красивым. Люди всегда начинают оценку самцов своего вида с этой бесполезной характеристики. Для меня красота вторична. Важна суть. Мужчина захлопнул дверь. Машина пикнула, прощаясь с хозяином. Он поправил воротник кашемирового пальто, перекинул через руку кожаный портфель и поднял голову. Прямо на наши окна. На четвёртый этаж. Наши взгляды встретились сквозь двойное стекло и расстояние. У него были глаза цвета стали. Холодные, оценивающие, но в них не было того мертвецкого вакуума, что сквозил из квартиры двенадцать. Этот человек смотрел *сквозь* предметы, оценивая их стоимость и полезность, а не планируя их уничтожение. Он пах одиночеством. Глубоким, хроническим одиночеством сытого льва в золотой клетке. И еще он пах защитой. Я медленно моргнул. В кошачьем языке жестов это высшее признание доверия. «Я вижу тебя. Ты не враг».

Он улыбнулся уголком губ — едва заметно — и вошел в подъезд. Я остался лежать на подоконнике, обвив хвостом лапы. Визит будет интересный. Очень интересный.

Ждать пришлось недолго. Прошло минут семь — время, достаточное для подъема на лифте и осознания брэнности бытия. Раздался звонок в дверь. Тот самый требовательный, уверенный дзинь, которым пользуются либо курьеры со штрафами, либо налоговая, либо очень важные персоны, которые знают, что им откроют. Света, видимо, уже дошедшая до почтовых ящиков внизу (зачем она ходила пешком, если есть лифт, человеческая логика непостижима), поднялась обратно. Я слышал ее шаги по лестнице — чуть тяжелее, чем утром. Устала моя девочка. Щелкнул замок. Дверь открылась.

— Добрый день, — голос мужчины из машины прозвучал теперь вживую. Бархатный, глубокий, обволакивающий. — Вы ведь Светлана Любомирова? Квартира тринадцать?

— Да... — Света ответила растерянно. — Здравствуйте. А вы...

— Сергей Сергеевич, — представился он. — То есть просто Сергей. Ваш сосед. Живу напротив. Точнее, водитель Алексея Петровича из четырнадцатой квартиры.

Я наострил уши. Водитель. Ну-ну. Посмотрим на твои руки, «водитель». Руки водителя обычно пахнут бензином, табаком и рулем. От этого господина пахло чистым хлопком и успехом.

— Я тут проходил мимо почтов ящика... Почтальон опять перепутал, — продолжил Сергей Сергеевич. Его интонации были безупречно вежливыми, но с легкой ноткой превос-

ходства человека, которому надоело быть вежливым. — Вам пришла посылка. Заказное. Судя по стуку внутри, фарфор. Оставлять в ящике побоялся — сопрут вместе с самим ящиком.

Я переместился с подоконника на книжный шкаф. Отсюда обзор лучше. Света стояла в дверном проеме, прижимая к груди сумку. Она выглядела крошечной рядом с этим мужчиной. Он возвышался над ней горой дорогой ткани и уверенности. Протянул ей небольшую коробку, упакованную в крафтовую бумагу. Их пальцы соприкоснулись, когда она брала посылку. Обычное касание. Со стороны. Но я видел то, чего не видела она. Никакой тёмной нити. Никаких присосок. Только легкое золотистое свечение вокруг его кисти — остаточное поле амулета, спрятанного во внутреннем кармане пальто. Дорогая вещь, заряженная профессионалом. Такие носят те, кто часто ходит по краю. Когда их руки встретились, воздух не похолодел. Напротив, стало теплее. Энергия Светы, та самая «рыжая кровь», встревоженная утренней встречей с Виктором, потянулась к нему навстречу, как подсолнух к солнцу. Она узнала родственную силу. Человеческую, плотную, земную. Не магическую в понимании бабушкиных сказок, но абсолютно честную.

Сергей задержал ее руку в своей на долю секунды дольше приличий.

— Осторожнее, — сказал он, глядя не на коробку, а прямо ей в глаза. — Разобьется — семь лет несчастий собирать не

придется, Алексей Петрович меня самого разобьет. Фарфор похоже династии Цин, будь она неладна.

Света вспыхнула. До корней волос. Смесь смущения и какой-то детской радости от того, что красивый, взрослый, явно богатый мужчина говорит с ней не как с обслуживающим персоналом. —

Спасибо огромное! — выпалила она. — Я даже не знала... Давайте я позвоню вашему... Алексею Петровичу? Передам благодарность? — Не стоит, — Сергей мягко качнул головой. Улыбка тронула его губы, делая суровое лицо неожиданно молодым. — Он коллекционер. Решит, что я специально перехватил пакет, чтобы полюбоваться. Будет ревновать. Просто наслаждайтесь. Хорошего дня, Светлана.

Он кивнул и начал разворачиваться, чтобы уйти к своей двери. Четырнадцатая квартира находилась дальше по коридору, массивная, обитая черной кожей. Настоящая крепость. И тут произошло нечто важное. Света, подчиняясь внезапному порыву — тому самому, который бабушка называла «зовом крови», а психологи — отсутствием личных границ, сделала полшага вперед. — Может... может, зайдете на чай? — выпалила она. — У меня только пакетированный, правда... И посуда еще в коробках. Но я быстро организую!

Мое сердце пропустило удар. Лапы напряглись, когти впились в корешок энциклопедии. Вот оно. Начало конца. Сейчас этот «водитель» воспользуется моментом, переступит порог, и начнется классическая схема соблазнения одинокой

девушки в чужом городе. Но Сергей Сергеевич Севостьянов удивил нас обоих. Он замер. Обернулся. Посмотрел на нее долгим, изучающим взглядом. В его глазах мелькнуло что-то похожее на боль, смешанную с голодом, но это был голод иного рода. Ему нужна была не ее сила, а она сама. Ее тепло. Её тишина.

— Нет, — ответил он твердо, но невероятно мягко. — Не сегодня. Он указал глазами куда-то за ее спину, в темноту прихожей. — Ваша защита... она немного нервничает. Кот похоже не любит новых лиц. Перепутает меня с грабителем, запустит когти в штаны. Неловко получится перед руководством.

Я мысленно заплодировал. Ай да водила! Видит сквозь стены? Или просто чувствует эманации старого ворчуна Степана, который сейчас наверняка шипит из-за батареи, готовый защищать девичью честь сковородкой? Какая разница. Главное — он дал задний ход. Уважил границы. Понял, что форсировать события нельзя. Да и меня уважил, понял кто тут главный.

— Тогда... спасибо еще раз, — пролепетала разочарованная, но очарованная Света.

— Обращайтесь, если будут проблемы с сантехникой или соседи затопят, — усмехнулся он. — У меня большой опыт переговоров с ЖЭКа. Они почему-то сразу становятся вежливыми, когда видят правильный галстук.

Еще одна белозубая улыбка, легкий поклон, и он скрылся

за своей бронированной дверью.

Света осталась стоять посреди коридора, прижимая к груди спасенную посылку. Лицо ее сияло глупой, счастливой улыбкой.

— Какой приятный мужчина, — сказала она в пустоту. — И имя такое... надежное. Сергей. Она прошла на кухню, поставила коробку на стол. Достала телефон, включила фонарик, чтобы рассмотреть адрес отправителя. А я спрыгнул со шкафа. Мягко приземлился на пол. Прошел мимо нее, задев пушистым боком ее ногу. Территориальная метка. «Эта женщина принадлежит моему прайду. Руками не трогать. Ну, этому конкретному — можно, но аккуратно». Света опустила взгляд, посмотрела на меня.

— Что, Янтарик? Одобряешь?

Я сел, обернул лапы хвостом и издал звук, средний между мурлыканьем и одобрительным рокотом дизельного генератора. Абсолютное одобрение. От этого парня пахнет проблемами, большими деньгами и безопасностью. Идеальный баланс.

Вечер наступил незаметно. За окном зажглись огни бизнес-центров. Света возилась на кухне, пытаясь сварить гречку в кастрюле, где на дне всё еще оставались следы предыдущего жильца. Пахло гарью и уютом. Я лежал на спинке дивана, изображая меховую горжетку, когда почувствовал вибрацию пола. Снова лифт. Снова тяжелые, размеренные шаги. Но на этот раз они остановились не у нашей двери. У

двенадцатой. Тишина. Потом щелчок замка. Настолько тихий, что обычный человек принял бы его за слуховую галлюцинацию. Профессиональный взломщик позавидовал бы такому звуку. Дверь квартиры двенадцать открылась ровно настолько, чтобы выпустить одну фигуру. Виктор. При свете тусклой лампочки подъезда он казался еще более нереальным. Ангельская внешность, идеальная укладка, шелковый халат, небрежно накинутый поверх футболки. Он стоял там, словно ждал кого-то. Словно знал расписание моей девочки поминутно.

Света как раз закончила воевать с плитой. Выключила газ, взяла тряпку. Пошла в прихожую, чтобы одеть туфли для похода к мусоропроводу. Они столкнулись на пороге. Эффект был подобен столкновению частицы и античастицы. Воздух между ними буквально взорвался статикой. Виктор просиял. Эта его голливудская улыбка могла бы растопить айсберг, но меня от нее тошнило.

— О, Светлана! Вечер добрый. Решил вот прогуляться, воздухом подышать. У нас тут район... Перспективный.

— Здравствуйте, Виктор, — Света прижалась к косяку, стараясь занять как можно меньше места. — Рано вы гуляете. Обычно люди в это время ужинают.

— Я редко ужинаю дома, — он сделал плавный шаг вперед, сокращая дистанцию. Теперь он стоял вплотную к границе нашей территории. Одной ногой на нашем коврике. — Работа такая. Зато могу угостить вас лучшим стейком в го-

роде. Буквально в двух кварталах отсюда. Мясо режут лазерным ножом, говорят.

Света замялась. Вот оно. Ловушка закрывается. Стейк, вино, приглушенный свет... После такого приглашения отказаться сложно. А зайти — значит подписать себе приговор. Я понял, что если сейчас же не вмешаться, Степан завтра будет отмывать обои от моих рвотных масс, вызванных стрессом. Я слетел со спинки дивана. Приземлился в прихожей с грохотом упавшей вешалки (совершенно случайно, разумеется). Шипение, которое я издал, не было обычным кошачьим предупреждением. Это был боевой клич моего древнего рода. Звук вибрировал на частоте, разрушающей барабанные перепонки мелким грызунам. Я встал между Светой и порогом. Спина дугой, хвост размером с ершик для унитаза, зубы обнажены. Вся моя роскошная рыжая шерсть превратилась в один огромный игольчатый шар ненависти.

— МР-Р-Р-ЯУ! — рывкнул я так, что дрогнули стекла. — ХВАТИТ ШАКАЛИТЬ У МОЕЙ МИСКИ, БЛОНДИНЧИК!

Света ойкнула. Опустила глаза.

— Господи, Янтарь, прости! Напугал... Он просто сосед, знакомится...

Она попыталась обойти меня, протянув руку, чтобы погладить и успокоить. Но я не сдвинулся с места. Я лег поперек входа. Жирная, пушистая, разъяренная баррикада. Чтобы попасть в квартиру, Виктору пришлось бы перешагнуть через меня. А перешагивать через рысь в режиме атаки —

дурная примета, чреватая потерей сонной артерии.

Виктор перестал улыбаться. Маска дружелюбного рубахи-парня дала трещину. На секунду, всего на долю мгновения, пока Света извинялась за «беспокойного кота», я посмотрел прямо ему в глаза. Там не было ничего. Обычные голубые радужки исчезли, превратившись в два провала в абсолютный ноль. Космос, пожирающий звезды. Пустота, которая смотрит на тебя, оценивает твою энергетическую плотность и решает, сколько глотков нужно сделать, чтобы ты превратился в сухую шкурку. Он увидел, что я смотрю. Понял, что я *вижу*. Его губы снова растянулись в улыбке, но теперь она напоминала оскал черепа.

— Какой... темпераментный зверь, — процедил он. — Весь в хозяйку. Такая же... Пламенная.

Он отступил на шаг назад, выходя из зоны прямой угрозы, которую я транслировал всем своим существом. Поправил манжету халата.

— Что ж, не смею навязываться. Приятного вечера. И вам, и вашему... леопарду. Он развернулся. Скрылся в своей пещере людоеда. Замок щелкнул дважды.

Света тяжело вздохнула. Посмотрела на меня с укоризной.

— Ну зачем ты так, а? Он же просто хотел быть вежливым. А ты ведешь себя как собака сторожевая, а не кот благородных кровей.

Она перешагнула через меня (пришлось поджать лапы,

чтобы она не отдала мне достоинство) и пошла на кухню. Я остался лежать. Шерсть медленно опускалась. Сердце билось ровно. Я выполнил свою работу. Вход защищен. Белобрысая гадина получила предупреждение.

Через минуту в углу за батареей начало сгущаться знакомое болотное марево. Степан материализовался недовольным облачком. Он прошел сквозь стену, завис в воздухе, сложив прозрачные руки на груди. Уставился на меня своими бельмами.

«Видел?» — спросил он беззвучно, шевеля усами.

Я лениво моргнул.

«Видел. Мерзость. Пахнет разложением и эгоизмом».

Домовой перевел взгляд на закрытую входную дверь. По его полупрозрачному лицу пробежала рябь тревоги.

«Опасен. Силен. Старый».

Я потянулся, выгибая спину.

«Не сильнее хорошего удара лапой по любопытному носу. Держись подальше от моей полки, дед. А блондина я беру на себя. Буду царапать ауру каждый раз, как он подойдет ближе трех метров».

Степан хмыкнул, отчего паутина в углу заколебалась. Впервые за сутки в его взгляде появилось что-то вроде уважения.

«Хвостатый наглец. Но мыслишь верно. Блондин — враг. Тот, что из четырнадцатой — свой».

Мы переглянулись через всю прихожую. Кот и домовой.

Огонь и сырость. Два древних духа, запертых в бетонной коробке с одной испуганной девчонкой. Без слов, без ритуалов, мы пришли к консенсусу. Союз. Временный, основанный на общей неприязни к высасыванию жизненной энергии и любви к комфорту. Виктор получит отравленную мышь в тапки. В метафорическом смысле. А Сергею... Сергею я, пожалуй, позволю почесать себя за ухом. Если попросит правильно.

День третий — Первые шаги в клинику

Степан

Утро началось с тишины, которая бывает только перед бурей или после похорон. В нашем старом доме утро всегда пахло дымком и парным молоком, здесь же оно пахло озоном от кондиционера и одиночеством. Светлана ушла на свою смену еще затемно. Уходила она тяжело — я это чувствовал по тому, как медленно поворачивался ключ в замке, как долго она стояла на пороге, словно пытаясь запомнить запах этой бетонной коробки, чтобы было не так страшно возвращаться вечером.

Как только дверь за ней захлопнулась, отрезая меня от внешнего мира вместе с моей девочкой, я позволил себе выдохнуть. Воздух вышел из несуществующих легких клубами сизого пара.

— Ну что, рыжий бандит, дежурство начинаем? — бросил я в темноту комнаты.

Янтарь даже ухом не повел. Он лежал на спинке дивана, свесив хвост, и делал вид, что выслеживает пылинку. Наглец считает себя главным стратегом этого дома, но сейчас мне было не до его кошачьих амбиций. Сегодняшний день требовал работы головой, а не когтями. Нужно было понять, с

кем мы имеем дело. И почему именно квартира двенадцать.

Я просочился сквозь стену коридора. Для домового стена — это просто густая паутина, через которую нужно пройти аккуратно, чтобы не зацепиться бородой за торчащую арматуру невидимого плана. Материализовался я прямо в общем тамбуре. Здесь пахло чужими жизнями: жареной рыбой снизу, духами «Шанель» справа и... смертью слева. От двери квартиры номер двенадцать тянуло таким холодом, что у меня начала крошиться эктоплазма на пальцах. Виктор нарастил броню. После вчерашней стычки в подъезде он понял, что легкой добычи не будет, и законопатил все щели печатями такой силы, что мой старый пятак-оберег нагрелся до красна под рубахой.

К самой двери я подходить пока не стал. Бесполезно. Эта тварь вчера обожгла меня так, что фантомные ожоги до сих пор зудят. Я прижался к стене нашей, тринадцатой квартиры. С той стороны была точно такая же бетонная перегородка, оклеенная дешевыми обоями. Но для того, кто двести лет жил за печкой и слушал шепот огня, дерево и камень — не преграда. Это мембрана барабана. Главное — правильно приложить ухо.

Я закрыл глаза, растворяясь в текстуре стены, превращаясь в слух. Сначала была тишина. Глухая, ватная, какая бывает в склепах. Ни звука телевизора, ни шагов. Только едва уловимый шелест, похожий на скольжение змеиной чешуи по стеклу. А потом раздался голос. Виктор говорил тихо, по-

чти ласково, но каждое слово вибрировало в пространстве, заставляя штукатурку мелко потеть черной слизью.

— Да, Учитель. Она здесь. Квартира тринадцать. Та самая, о которой говорилось в пророчестве...

У меня внутри всё оборвалось и рухнуло куда-то в ледяной погреб. Пророчество. Значит, это не случайность. Этот белобрысый хлыщ пришел сюда не потому, что ему понравилась парковка. Он охотился конкретно за моим родом.

— Дар исключительный, — продолжал вещать этот бархатный голос, от которого у нормальных людей обычно подгибаются колени. — Родовой. Чистая «Рыжая кровь». Бабка ее держала в узде старыми методами, вязала узлы страха. Девочка сама блокирует потоки. Не читает вслух, не жестикулирует. Запирает силу в теле, как джинна в бутылке. Идеальный сосуд. Плотный. Выдержит большой объем перекачки.

Меня затрясло. Холод, который шел от соседской стены, пробирал до призрачных костей. Я вспомнил Марфу Игнатьевну. Ее узловатые пальцы, перебирающие четки. Ее сказки на ночь про то, как в старые времена ходили по земле Пожиратели. Они не умели творить магию сами — кишка тонка родовое наследие принять и приумножить. Им проще украсть готовое. Выпить одаренного досуха, забрать его искру, его талант, его жизнь. Оставить пустую оболочку, пускающую слюни в психушке.

— Двенадцать уже закрыты, Учитель, — в голосе Виктора послышались нотки самодовольства, которые бесят меня в

людях, а уж в демонах вызывают желание взять дрель и сверлить им череп до второго пришествия. — Сборщица, медиумы, две травницы и один неплохой предсказатель. Дешевый товар, много шума, мало сути. Топливо для разгона. Четырнадцатая должна быть другой. Красивой. Такой, чья агония станет произведением искусства. Когда я выпью её песню, круг замкнется. Тринадцать плюс одна моя собственная сила. Четырнадцать — число перехода. Я стану неуязвимым. Никакие Высшие Круги не смогут мне противостоять. Мы возьмем власть над всеми носителями дара в этом секторе. Москва падет первой.

Он говорил о моей Светлане. О девочке, которая вчера плакала на полу от усталости, прижимая к груди плюшевого медведя. Как к бокалу дорогого вина присматривается, стервец. Оценивает букет, выдержку, послевкусие. Двенадцать душ уже выпиты. Тринадцатая — моя девочка. Если он заберет ее дар, эта тварь действительно станет богом местного разлива. А нас со старым ковриком Янтарем просто смахнет с доски реальности одним щелчком пальцев.

Разговор закончился. Послышался звук льющейся воды, звон хрусталя. Виктор пил. Что-то дорогое, терпкое. Наслаждался моментом триумфа. Я отлепился от стены, чувствуя, как дрожат мои прозрачные руки. Ненависть — плохой советчик, старая метла за батареей. Нужен план. Прямо сейчас.

Вернувшись в квартиру, я застал идиллическую картину разрушения. Янтарь наконец-то решил, что коробка из-под

плазмы — достойное место для сна, но промахнулся мимо входа в картонный тоннель и теперь висел попой наружу, смешно дрыгая лапами.

— Радуетесь, скотина шерстяная? — прошипел я, проходя сквозь него. Кот недовольно мявкнул, вываливаясь из коробки окончательно. — Там за стеной людоед планы строит, как твою хозяйку на лоскуты порезать, а ты пузо греешь!

«Людоеды приходят и уходят, а ортопедический матрас остается», — фыркнул кот, демонстративно вылизывая промежность. — «Думаешь, твоя астральная слежка поможет, когда он придет с конфетами?»

Конфеты. Ключи. Мелкие бытовые предметы. Вот оно. Светлана не видит меня. Не слышит. Я для нее — сквозняк, скрип паркета, упавшая ложка. Старый фольклор, история рассказанная бабушкой перед сном. Чтобы предупредить ее, я должен стать полтергейстом. Я решился, началась партизанская война.

Первым делом я прошел на кухню. На столе, рядом с чайником, лежали ключи от квартиры. Светлана бросила их в попыхах. Рядом стоял ее рабочий пропуск на шнурке. План Виктора был прозрачнее водки. Вечером он встретит ее у лифта. Или пришлет курьера. Или "случайно" оставит дверь открытой. Ему нужно заманить ее внутрь квартиры двенадцать. За свой защитный контур. Там наша крафтовая нитка и соль будут бессильны. Там он поцелует ее. Поцелуй — самый быстрый способ взломать энергетическую защиту че-

ловека, если жертва не сопротивляется. А Света сопротивляться не умеет — она слишком вежливая для этого жестокого города.

Я завис над столом. Нужно создать хаос. Маленький бытовой апокалипсис, который задержит ее утром настолько, что встреча с блондином сорвется. Я сосредоточился на связке ключей. Представил, как молекулы воздуха вокруг них становятся плотными, тягучими. Пространственная складка. Старая дедовская техника. Когда Света завтра подойдет к столу, рука ее пройдет *сквозь* ключи. Они останутся стоять не видимые, прислоненные к солонке, издевательски поблескивая металлом. Три минуты потерянного времени. Потом паника. Поиск в сумке. Проверка карманов. Еще пять минут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.